

АКЦЕНТЫ

DIARY

Лохматое сердце

СВЕТЛАНА ФЕДОТОВА

Дорогой дневник, на прошлой неделе я впервые в жизни не выполнила работу, за которую взялась.

Мне нужно было завершить обзвон ветеранов тыла и выбрать самые интересные истории, которые могли бы лечь в основу документального фильма о том, как жили и работали в Молотовской области.

Написала письмо Владимиру Соколову, директору кинокомпании «Новый курс»: «Посыпаю голову пеплом и приношу свои глубочайшие извинения... Моя жизненная ситуация такова, что не предполагает ни спокойствия, ни весёлого расположения духа, которое есть неперменное условие для написания отличного сценария...»

Только одна деталь: в конце сентября мне пришлось фиксировать побои — удары наносились кулаком по лицу. В итоге мне до сих пор больно говорить.

Тогда я сказала бывшему мужу одну сотую из того, что я о нём думаю.

«А скажи мне это, — говорит он, — на камеру» — «Да, пожалуйста! Смотри зимними вечерами». И всё ему повторила: обманул нотариуса, нарушил многомесячные договорённости, одно матерное слово, характеризующее всю полноту его личности, тоже было.

Камеру он выключил и как стукнет меня кулаком в лицо.

«А что ты такой смелый? Может, у нас тут тоже камеры снимают?» — даже как-то удивилась я. «А это я хотел тебя поцеловать, только у меня рука соскользнула», — и ещё раз ударил справа.

Звёзды расцвели в моей голове — так вот ты какой, нокдаун.

Когда женщин бьют по лицу, они начинают говорить страшные слова. Он же только рассмеялся в моё побитое лицо: «Напиши об этом в своём дневнике».

Вечером он пригрозил, что мне грозит два года условно, и только его доброта меня спасёт. У него, он считал, все козыри, а у меня следов от побоев к тому времени уже не останется. А синяки наутро вылезли. В этой ситуации я им даже обрадовалась.

Девушки, не бойтесь фиксировать побои — это не страшно. Идёте в полицию, пишете заявление, вам дают направление на судебно-медицинскую экспертизу, которая находится на ул. Фонтанной, 12, в бывшем детском садике. По иронии судьбы у меня в него старший сын когда-то ходил.

Так я вступила на дорогу, ведущую от одного казённого дома к другому. И

практика показала, что правильно сделала — бывший муж тоже написал на меня заявление в полицию, обвинив в оскорблениях.

Девушки, говорите мерзавцам всё, что о них думаете, в том числе все нецензурные слова во всех комбинациях, что знаете. Вас ждёт административный штраф в размере от 1 до 3 тыс. руб. В тариф входит возможность плюнуть обидчику в лицо (без счёту) и показать множество неприличных жестов. А вот за побои грозит более серьёзная статья, но наказание за неё тоже неубедительное — штраф, или общественные работы, или заключение в арестном доме.

«Проблема в том, что мера есть, а арестных домов в России нет», — просветил меня участковый Юнусов. Он же посоветовал всегда фиксировать побои, потому что три случая в течение года — и уже можно инкриминировать ст. 117 Уголовного кодекса РФ, которая называется древнерусским словом «Истязание».

И вот там уже возникает условный срок, а то и реальный.

Второй сезон нашего триллера начался 12 октября, когда пятилетняя дочь вернулась после прогулки с отцом со словами: «Папа меня стукнул в глаз». С этих пор я не могу ни есть, ни спать и с утра до ночи хожу по казённым домам: к инспектору по делам несовершеннолетних, от него — к участковому и в центр психолого-медико-социального сопровождения, снова к участковому.

«Зачем он в лифте-то её стукнул?» — хмыкнул участковый Юнусов, принимая заявление. Имея в виду, что дочь тут же мне всё расскажет. Учитывая динамику развития сюжета, подозреваю, что именно для этого.

Смотрите — ему грозит непрезентабельная статья. Для него это катастрофа: он же весь из себя, а тут выясняется, что бил женщину кулаком по лицу. Нужно эту ситуацию как-то уравновесить. Как? Скомпрометировать эту женщину.

Словами меня не достанешь — один хороший знакомый научил, как не реагировать на оскорбления. Нужно представлять, что у тебя лохматое сердце, и тогда все плохие слова будут вязнуть, не доходя до тебя.

Финансово бывший муж никак на меня повлиять не может. Моё самое уязвимое место — ребёнок. Он знал, что дочке я точно поверю. И, возможно, думал, что услышав, что он ткнул её больно в глаз, я начну совершать противоправные действия — машину его железным прутом разобью, с ножом на него кинусь, морду расцарапаю... Потому что судебных перспектив у слов пятилетней девочки, конечно же, быть не может. Но заявление приняли!

По законам жанра бывший муж в это же время сидел в коридоре и слышал мои показания. «Сейчас вас по этому делу допрошу», — сказал ему невозмутимый Юнусов. «Меня срочно вызыва-

бане, а когда-то они ворочали миллионнами.

Дела у них, судя по тому, что сейчас Поварницын занимается извозом, до сих пор плохи. Шучу: Андрей, как может, помогает своему другу, которого женщина и ребёнок обвиняют в нанесении побоев. Он отвёз его в участок полиции для того, чтобы тот написал очередное заявление, которое заставит меня подёргаться. Факты не подтвердились, но смысл был в том, чтобы вместо своей работы я всю неделю пристально изучала работу органов внутренних дел.

В итоге мне писать в свою еженедельную рубрику нечего, кроме событий личной жизни, а дневник должен выходить при любой погоде.

Дорогой дневник, пермская полиция действительно работает. Даже в моём мелком семейном случае я встречаю участие и корректность.

Участковые и инспекторы по делам несовершеннолетних — умные, хорошие, доброжелательные люди, и это, пожалуй, главный положительный вывод, который я сделала в этой ситуации. Они — на страже закона. Поэтому, девушки, не бойтесь обращаться в полицию! Негодяям нужно давать отпор. В моём случае побои — это лишь часть айсберга; то, что можно зафиксировать и доказать.

«Ты хочешь апокалипсиса? — заявил мне этот человек в мае, когда я подала на развод. — Я тебе его устрою!»

С тех пор много чего случилось плохого. «Чистый МакДонах», — так комментируют подруги события моей жизни, которые никому, кроме близких друзей, и не расскажешь.

Но что-то надоело мне жить в триллере. Я хочу жить нормальной жизнью, писать о возвращении Виктора Похмелкина в политику, разговаривать с ветеранами труда, работать с режиссёром Борисом Караджевым и не беспокоиться, что моему ребёнку в это время в лифте пальцем в глаз тычут. И на многое могу пойти ради этого.

Как говорила моя одноклассница Вика Викторова: «Я женщина слабая, незащищённая. В случае чего и убить могу».

Последнее предложение — шутка, но предпоследнее — нет ■

Это не тупик. Это словно коридор. И можно пойти вперёд или назад. В одну сторону — очень страшно. А в другую — всего лишь противно. Но так противно, что лучше уж пусть будет страшно

Сергей Лукьяненко «Танцы на снегу»

«Ты хочешь апокалипсиса? — заявил мне этот человек в мае, когда я подала на развод. — Я тебе его устрою!»